

Данилевский – основоположник русской историософии

Обращаясь к русским мыслителям прошлого, мы всегда должны задаваться вопросом: что он значит для наших дней? Только ли это подлинный камертон для настройки нашего самосознания на русский лад или какие-то идеи и прозрения философа сбылись, а то даже и сбываются в наши дни. Или, наконец, он интересен лишь для историков, изучающих наше прошлое.

Н.Я. Данилевский не только один из крупнейших русских мыслителей XIX века, он положил начало самобытной русской историософии. Его теория культурно-исторических типов опередила свое время, но она же и положила начало новой историософии, и не только в России, но и в Европе.

Несомненно, Н.Я. Данилевский был плохо понят своими современниками, и не только «прогрессивными» как Вл. Соловьев, но и консервативно настроенными. Даже Ф.М. Достоевский после первого и сильного увлечения в последние годы охладил к мыслителю за его излишнюю критику Европы. Перед ее «священными камнями» Данилевский не был готов лить слезы.

Идеи Данилевского по-своему трансформировались у Л.Н. Гумилева в его фазах этногенеза, а ранее у К.Н. Леонтьева в выделенных им фазах развития государств (первоначальной простоты, цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения). К числу движущих факторов истории Данилевский, наряду с культурно-историческими типами, добавил так называемых бичей Божиих – нерациональный фактор истории. У Гумилева это «пассионарные толчки» неземного происхождения и, возможно, «антисистемы», увлекающие временами значительную часть населения тех или иных стран.

По своему месту в русской историософии Данилевского можно сравнить с Глинкой в русской музыке или Пушкиным в русской поэзии, а его книгу «Россия и Европа» – с «Шинелью» Гоголя, из которой, по словам Достоевского, вышла вся русская литература.

Все русские философы истории, развивая свои идеи, «внешне», казалось бы, совсем далекие от культурно-исторических типов, тем не менее всегда благоговейно относились к «Глинке» русской историософии, ибо, по существу, продолжали или развивали идеи Данилевского. Бесплодность же многих современных геополитиков в России во многом объясняется тем, что они идут не от Данилевского, а продолжают и развивают чужие историософские идеи и построения.

Знание теории Данилевского о наличии славянского и германо-романского культурных типов, без всякого сомнения, избавило бы нас от многих наших иллюзий о существовании христианской и гуманистической Европы, желающей нам добра, благополучия и процветания, и наивных удивлений о наличии двойных стандартов в отношении к России.

Дверницкий Борис Георгиевич, метафизик, главный редактор журнала «Русское самосознание». E-mail: dvernitb@mail.ru

Вот что писал Данилевский о двойных стандартах 150 лет назад: «После раздела Польши едва ли какое другое действие России возбуждало в Европе такое всеобщее негодование и сожаление, как война с кавказскими горцами и, особенно, недавно совершившееся покорение Кавказа. Сколько ни стараются наши публицисты выставить это дело как великую победу, одержанную общечеловеческой цивилизацией, ничто не помогает. Не любит Европа, чтобы Россия бралась за это дело. – Ну, на Сырдарье, в Коканде, в Самарканде, у дико-каменных киргизов еще куда ни шло, можно с грехом пополам допустить такое цивилизаторство, все же вроде шпанской мушки оттягивает, хотя, к сожалению, и в недостаточном количестве, силы России, а то у нас под боком на Кавказе; мы бы и сами здесь поцивилизовали. – Что кавказские горцы и по своей фанатической религии, и по образу жизни, и по привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны – природные хищники и грабители, никогда не оставляющие и не могущие оставлять своих соседей в покое, – все это не принимается в расчет. Рыцари без страха и упрека, паладины свободы, да и только! В шотландских горах с небольшим лет сто тому назад жило несколько десятков, а может и сотен тысяч таких рыцарей свободы; хотя те были христиане, и пообразованнее, и нравом помирнее, – да и горы, в которых они жили, не кавказским чета, – но, однако же, Англия нашла, что нельзя терпеть их гайлендерских привычек и при удобном случае разогнала их на все четыре стороны. А Россия, под страхом клейма гонительницы и угнетательницы свободы, терпит с лишком миллион таких рыцарей, засевших в не исследуемых трущобах Кавказа, препятствующих на целые сотни верст кругом всякой мирной оседлости; и, – в ожидании, пока они не присоединятся к первым врагам, которым вздумается напасть на нее со стороны, – держи, не предвидя конца, двухсоттысячную армию под ружьем, чтобы сторожить все входы и выходы их этих разбойничьих вертепов» [1, с. 30–32].

Несомненно, новыми в науке и философии следует считать введенные Данилевским понятия об искусственных и естественных системах, а также о законах-рецептах и подлинных законах. Правильно понятые нами они помогают здраво и трезвенно оценивать многие существующие теории и системы, в подавляющем своем большинстве искусственные. Понятые так, они уже не имеют над нами прежней силы и влияния. И другого способа избавиться от их «очарования» или «прелести» в аскетическом понимании этого слова нет. Разве что создать другую искусственную систему на ту же тему.

Не устарела критика Данилевским дарвинизма и демократии, а также многие его публицистические статьи, посвященные геополитике и либерализму. Об этом свидетельствует быстро разошедшийся, вышедший в 1998 году, сборник его политических статей «Горе победителям».

Правильному восприятию Данилевского мешает многое. Больше всего – предубеждения, глубоко вкорененные в наше сознание. Так, многим трудно серьезно говорить о национальной философии, науке, экономике, ибо они, по их убеждению, интернациональны.

Однако как понимал национальное Н.Я. Данилевский? Национальное он видел прежде всего в самобытном изначальном подходе к решению тех или иных проблем, в том «первичном национальном моменте», о котором говорят отдельные философы и который предопределяет и все последующее. Поясню это на примерах.

«Борьба и соперничество», изначально присущие, по мнению Данилевского, англосаксам, породили три односторонние теории. Т. Гоббс создал политическую теорию образования государств на принципах «войны всех против всех»; А. Смит – экономическую теорию свободного соперничества и борьбы между производителями и потребителями; Ч. Дарвин – биологическую теорию борьбы за существование, объясняющую происхождение всех видов растений и животных. Дополним, А. Тойнби в своей многотомной книге «Постижение истории» утверждал, что принцип «Вызов – и Ответ» является основой исторического развития и раскрывает логику всей истории мировой культуры.

Подобный национальный подход при решении тех или иных задач нам никогда не следует принимать за общечеловеческий. Мы должны искать собственное национальное решение, опираясь на свой «первичный момент», на свои традиции, свой склад ума и характер и на многое другое, что характерно для нашего народа. Естественно возникает вопрос: а что характерно для русского подхода к решению научных и философских проблем?

«Организмизм» или «органическое» объяснение природы и общества в их специфике и цельности как общего и отдельного, – пишет А.А. Галактионов, – принадлежат к числу «сквозных» концепций в истории русской философии и социологии. Ей следовали люди различных, часто взаимоисключающих политических и теоретических взглядов; она существовала в многообразных вариантах, включалась в системы идей или являлась их формообразующим началом, и приводила, разумеется, к несовпадающим выводам» [1, с. XI]. «Поэтому, – продолжает он, – принцип “организмизма” в истории русского мышления играл роль определенной методологической установки, способа осмысления, приемов исследований и изложения научно-философских проблем в их связях, в их системности. В этом отношении роль органической теории сопоставима лишь с методологией антропологизма или диалектики, также определявших образ мысли многих русских интеллектуалов» [1, с. XI]. Сказанное не исчерпывает характеристику русского «изначального момента», но как иллюстрация национального подхода вполне достаточна. Здесь просто не место развивать эту тему, она заслуживает отдельного разговора.

Многие утверждения Данилевского шире их первичного применения. Так, пять фазисов развития науки (собираение материала, период искусственных систем, фаза естественных систем, период частных эмпирических законов и период общего рационального закона) приложимы и к развитию философии. Я писал об этом в своей статье о Вл. Соловьеве [7, с. 168–177]. То же отмечено А.А. Галактионовым в отношении пяти геополитических законов Данилевского: «Теория культурно-исторических типов Данилевского – цельное, системное учение о нациях, их сущности, происхождении, признаках и законах. К сожалению, этого не оценил никто из авторов, писавших о Данилевском, потому что старые русские историки и социологи в большинстве не принимали славянофильской концепции Данилевского и потому за конкретной проблемой “Россия и Европа” не увидели ее теоретического ядра – теории нации; а мышление советских теоретиков было замкнуто в установках работы “Марксизм и национальный вопрос”, которая считалась бесспорным первоисточником. Однако законы культурно-исторических типов близки по смыслу с признаками нации, названными И.В. Сталиным через сорок лет после выхода в свет книги “Россия и Европа”... Законы культурно-исторических типов, открытые Данилевским, начинают длительный поиск определения признаков нации, продолжающийся и в настоящее время. Все предлагаемые варианты, в том числе и самые последние, восходят или просто с некоторыми несущественными поправками повторяют уже известное, изложенное в книге “Россия и Европа”» [1, с. XIX].

Напомню эти пять законов.

1. Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, – составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу.

По природе и характеру развития самобытных цивилизаций Данилевский выделял четыре культурно-исторических типа: «подготовительный» (первичный или автохтонный), «одноосновный», «двухосновный» и «четырёхосновный». Цивилизации подготовительного типа имели задачу выработать те условия, при которых вообще становится возможной жизнь в организованном обществе [1, с. 401]. К ним относятся египетский, китайский, древнесемитический, индийский и иранский типы. Второй тип – «одноосновный» (еврейский, греческий, римский, новосемитический, или аравийский). «Цивилизации этого типа развили только одну из сторон культурной деятельности. Еврейская цивилизация – сторону религиозную; греческая – собственно культурную; римская – политическую» [1, с. 405]. Третий тип – «двухосновный» (германо-романский или европейский) и четвертый тип – «четырёхосновный», он реализуется славянами. Исходил Данилевский при этом из конкретной истории существования и развития этих культурно-исторических типов. Однако на основе теории Данилевского и анализа исторических фактов мы можем сформулировать шестой закон существования самобытных цивилизаций:

«Каждая цивилизация включает в себя четыре (три) основы, но не всякая их реализует. Развиваясь, основы должны не отменять, а дополнять одна другую, постепенно раскрываясь в исторической жизни нации. Когда этого не происходит, цивилизация исчезает как таковая».

В истории еще не было ни одной цивилизации, которая бы в своем развитии прошла четырехосновный тип развития. Особые надежды при этом Данилевский возлагал на Россию. Отдельный вопрос: что принимать за эти «основы»? – мы рассмотрим ниже. Каждая «основа» цивилизации в своем развитии проходит несколько периодов или фаз. У Гегеля мы видим пять периодов развития абсолютного духа: детство, отрочество, юность, возмужалость и старость. Л.Н. Гумилев выделял семь фаз (подъем, акматическая фаза, надлом, инерция, обскурация, мемориальная фаза и гомеостаз). Н.Я. Данилевский говорил о трех периодах развития культурно-исторических типов: этнографическом, государственном и цивилизационном.

Кризис и даже трагедия нашего времени состоит в том, что мы, находясь в цивилизационном периоде, завершающем ход развития третьей «основы», приступили к реализации четвертой «основы» нашей цивилизации. Данилевский пишет об этом времени: «период цивилизаций есть время растраты, – растраты полезной, благотворной, составляющей цель самого собирания, но все-таки растраты; как бы ни был богат запас сил, он не может, наконец, не оскудеть, не истощиться» [1, с. 91].

Вернемся к основам. Данилевский принимал за «основы» религию, политику (государство), культуру и экономику. Я ранее [9] писал о четырех стадиях, или, что то же, основах становления русского народного духа: идеократической (религиозной), государственной (политической), имперской (культурной) и националистической. На этих стадиях

своего становления русский народный дух осознал себя православным в Киевской Руси, затем государственным в период Московского Царства, далее имперским в Российской Империи и, наконец, на последнем четвертом завершающем этапе должен осознать себя конкретно русским или, может быть, великорусским. Другими словами, народный дух в своем историческом развитии всегда стремится достичь максимально ему доступных высот, силы, широты (мощи) и глубины (крепости).

Максимальной высоты мы достигли, став православным народом; силу обрели, развив в себе государственное чувство, которое еще до сих пор сохраняет нас как единый народ; широта русского духа проявила себя в создании громадной Империи, воспитав в нас чувство комплиментарности к народам, издавна живущим вместе с нами на просторах России – Евразии и ответственность за их судьбы. И вот теперь перед нами стоит новая историческая задача достижения глубины познания самих себя как русских людей и связанное с этим обретение нашей внутренней крепости. Только на этом глубинном уровне мы сможем обрести новую сплоченность, вызвать к жизни новые силы единения русского народа, без которых ни наше государственное чувство, ни наша имперскость, ни даже наша православность, не будут в состоянии сохранить единство русской нации.

То, что будущее за «четырёхосновными» нациями и цивилизациями, – это несомненно. В утверждении этого заключается гениальное прозрение Н.Я. Данилевского для наших дней. Будущее всегда за теми, кто вписан в историю, через кого она осуществляется в своей позитивной части.

Итак, Россия вступила в начальную фазу четвертой стадии, или «основы», для которой характерны немногочисленность национальных пассионариев и значительное число субпассионариев по сравнению с предыдущей стадией. С развитием четвертой «основы» во времени число национальных пассионариев будет неуклонно возрастать. И это закон Истории, а с ним шутки плохи. И тут чрезвычайно важно чтобы доминанта национальности или национализма не погасила остальных «основ» нашей исторической жизни, как это имело место в Германии. Может быть потому, что это всего лишь «двуосновная» нация по Данилевскому, а может быть и по какой другой причине. В начале нашей эры Израиль, связав воедино свои религиозные и национальные (племенные) чаяния, совершил этим величайшую историческую ошибку и сошел с исторической сцены в качестве самостоятельного положительного фактора истории.

Где будут проходить основные линии вражды, могущие ввергнуть мир в тягчайшие испытания в XXI веке? Знание этого чрезвычайно важно, так как может помочь нам занять правильную позицию и не дать ввергнуть себя в чужие войны и столкновения. Говорит ли нам что-нибудь Данилевский по этому поводу.

В конце XX века Самюэль Хантингтон, отмечая «устарелость» деления истории после холодной войны на «первый», «второй» и «третий» миры, пишет: «в нарождающемся мире основным источником конфликтов будут уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями (или группами), принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов» [2, с. 33]. При этом он выделяет восемь цивилизаций: Запад, Православие – Россия, Ислам, Китай, Индия, Япония, Африка, Латинская Америка. И тут он мыслит всецело в духе Данилевского. Однако к концу XX века цивилизации в основном уже нашли и «застолбили» свои естественные границы и определили свои пути развития. Исключение составляют индуистская и мусульманская Индия, то есть Пакистан, и еще ряд более мелких источников напряжений. В то же время необходимо отметить, что на самом деле с учетом разного подхода к определению

цивилизаций, суперэтносов и культур число их существенно больше. (Я выделил 27 таких сообществ [см. 7, с. 5–29].) Отсюда возрастает и число линий противостояния. Этим определялась война между исламскими странами: суннитской Саудовской Аравией и шиитским Ираном и ряд других конфликтов. Но не подобные, хотя и кровопролитные, столкновения будут доминирующими в XXI веке.

На мой взгляд, главный ряд столкновений и основную напряженность в мире будут вызывать те цивилизации, которые по каким-либо причинам будут выходить из границ своего цивилизационного пространства. То есть будут под разными обоснованиями навязывать другим цивилизациям свою идеологию, культуру, способы экономического развития, либо будут эксплуатировать другие цивилизации (экономический колониализм). И здесь, безусловно, ясно всем, что основным источником напряженности в XXI веке будут США. Однако этим не исчерпываются все главные опасности наступившего века.

Особую опасность во все времена представляли, по определению Данилевского, «бичи Божии». В книге «Россия и Европа», он выделил три категории исторических деятелей: положительных деятелей в истории человечества (десять культурно-исторических типов и одиннадцатый – славянский, находящийся в развитии); «временно появляющиеся феномены, смущающие современников, как гунны, монголы, турки, которые, совершив свой разрушительный подвиг, помогли испустить дух борющимся со смертью цивилизациям и разнеся их остатки, скрываются в прежнее ничтожество», – «отрицательные деятели человечества»; «племена, которым не суждено ни жиздительного, ни разрушительного величия, – ни положительной, ни отрицательной исторической роли» [1, с. 75].

На мой взгляд, к современным «бичам Божиим» следует относить те племена и народности, которые, не став или перестав быть самобытной цивилизацией, пытаются решать всемирные глобальные задачи в рамках других цивилизаций, произвести мировую революцию различного толка. В свое время мы наблюдали троцкизм, мечтавший о построении «земношарной республики советов». В том или ином виде он, впрочем, как и иные радикальные левацие движения, существует и поныне. Влиятельным движением были и те разновидности сионизма, которые претендовали на нечто большее, чем создание национального еврейского государства. Впрочем, как пишется в книге «Мертвая вода», изданной в 1992 году в Санкт-Петербурге и впервые появившейся в самиздате под названием «Разгерметизация» еще в конце 1980-х годов: «Участь еврейства, его доля ничуть не легче и не слаще, чем участь и доля других народов» [4, с. 178], «Вырваться из порочного круга могут обе толпы вместе, а не кто-то один; евреи за счет народов или народы за счет евреев» [4, с. 181]. Что и показал XX век. В настоящее время таким «бичом Божиим» является исламский терроризм. Если идея «исламизировать» весь мир победит в исламском мире, то он может превратиться в разрушительный фактор истории XXI века. И у нас «одноосновность» начиналась с терроризма: с бомбометателей начала XX века, а ранее с поджогов и тайных организаций революционеров и «Народной воли».

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Н.Я. Данилевский заложил основы русской историософии и геополитики, не западнической и не славянофильской, а именно русской. И дело не в том, что они имели общий источник мировоззрения, а именно германскую философию, хотя при этом «славянофилы относились к ней с большим пониманием и большей свободой» [1, с. 98]. Суть в том, что общей для них была вера в существование единой общечеловеческой цивилизации. Данилевский же открыл нам ту основополагающую истину, что «общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Все-человеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать,

идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем» [1, с. 104]. Или совсем кратко: исторический «прогресс состоит вовсе не в том, чтобы идти все время в одном направлении, а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества во всех направлениях».

Другим принципиальным отличием русской историософии от западной, является то, что последняя не признавала самобытного русского пути исторического развития и всегда стремилась и стремится к «европейничанью» или чистому копированию Европы, а теперь и США. Это не только непродуктивно, но и прямо губительно для нас, как и для всех цивилизаций, которые вступают на путь подражания.

Принципиальное отличие русской историософии от славянофильской заключается в том, что славянофилы считали, «будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники». Данилевский же утверждал, что «такой задачи вовсе и не существует... Задача человечества состоит ни в чем другом, как в проявлении, в разные времена и разными племенами, всех тех сторон, всех тех особенностей направления, которые лежат виртуально (в возможности, *in potentia*) в идее человечества» [1, с. 97–98]. «Для коллективного же... человечества – нет другого назначения, другой задачи, кроме разновременного и разноместного (то есть разноплеменного) выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном культурно-историческом типе развития» [1, с. 100].

С этой точки зрения мы и должны различать историософию и геополитику русского, славянофильского и западного направлений. И когда мы объявляем Россию или даже СССР «авангардом» в решении общечеловеческих или даже общеевропейских задач, то мы не на русском направлении. Россия должна решать свои задачи. Лишь успешное их разрешение будет вкладом в сокровищницу всемирной истории, во всечеловеческую цивилизацию.

2. Итак, Н.Я. Данилевский – основатель русской историософии, создатель первой естественной философии истории. Но как наша музыка не остановилась на Глинке, а была продолжена не менее гениальными композиторами, правда, всегда благоговейно относившимися к Глинке, так и русская историософия была продолжена, и мы должны сказать несколько слов о тех выводах, к которым русские философы пришли, и которые существенно дополняют Данилевского.

Н.Я. Данилевский писал, еще до освобождения болгар, то есть до русско-турецкой войны 1877–1878 годов следующее: «Для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгарина, (желал бы прибавить, и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея Славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них не достижимо без ее осуществления, – без духовно-народно- и политически-самобытного, независимого Славянства; а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности» [1, с. 107]. Тем самым он утвердил существование славянского национализма, или патриотизма, который должен жить в нашем сердце. И мы должны всегда помнить, что славянская культура нам ближе и роднее, чем германская или романская, а тем более китайская или индусская.

Продолжатели Данилевского на этом не остановились и доказали наличие еще и евразийского, или шире – российского, национализма или патриотизма. И он тоже несомненен, только идет по другой линии исторического развития, выявляя общее «месторазвитие», или единую Родину для исторических народов России, общую ответственность за

судьбу наших народов и многое другое. И мы вправе, сохраняя стиль и манеру Данилевского, дополнить его следующими положениями.

«Для всякого евразийца и россиянина: великоросса, украинца, белоруса, татарина, карела, чуваша, мордвина, башкира, калмыка и других представителей евразийских народов, – после Бога и Его святой Церкви, после своей нации или народности, идея Евразийства должна быть вышею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них не достижимо без ее осуществления, – без политически независимой России; а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями существования независимой и самобытной России».

Наконец, существует и общехристианская идентичность, ибо мы, несомненно, имеем нечто общее и с романо-германскими народами, которые также как и мы, в массе своей приняли христианство. Значит, есть нечто общее в наших архетипах, мифах, традициях, что роднит нас между собой, несмотря на разность характеров, и народного духа, на культурные и языковые отличия. А потому мы вправе дополнить славянский и евразийский национализмы еще и христианством и сказать следующее:

«Для всякого европейца и христианина: русского, немца, француза, испанца, итальянца и прочих представителей христианских европейских племен, – после Бога и Его святой Церкви, после своей нации и племени, идея Христианства должна быть вышею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них не достижимо без ее осуществления, – без сохранения традиций и образа жизни христианских племен; а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями существования христианских племен».

Сведенные вместе заветы должны помочь нам лучше понять наше действительное и мнимое единство со славянскими, евразийскими и европейскими народами и племенами; уяснить, что у нас действительно общего, а в чем мы остаемся разными; где мы должны действовать вместе, а где порознь. Данилевский положил этому начало. Не будем его осуждать за то, что он не всегда четко различал русский и славянский национализм и придавал, на взгляд некоторых, излишнее значение Славянству. Наша задача понять нашу общность и родство со всеми вышеперечисленными народами и племенами и строить свою жизнь в соответствии с этим. Только так мы преодолеем соблазн космополитизма, не станем жить в услужении – «у немцев на галерах», по выражению Л.Н. Гумилева, не станем сырьевым придатком или просто «жизненным пространством» для других народов.

Русская нация и славянская, евразийская и христианская цивилизации, не есть нечто внешнее для нас или то, куда мы должны войти. Это мы сами, в нас живут и существуют четыре основы, в нашем народном духе, характере, архетипах, языке, словесности, менталитете и многом другом, что составляет сущность русской нации. И наша задача в настоящий момент состоит не в выборе других или новых «основ» жизни, – за нас и для нас, их выбрали и реализовали наши предки, – а лишь в определении «доли» православия, государственности, имперскости и национализма в нашей жизни и в нашем творчестве.

И тут мы должны преодолеть два искушения. Первое – не впасть в «апатию отчаяния» [1, с. 90], воспринимая современность как крушение наших «вечных» идеалов, которых мы достигли в процессе исторического развития (для одних это симфония Церкви и Царства в Московский период нашей истории, для других – самодержавная форма власти, для третьих – военная мощь СССР). Ничто нельзя абсолютизировать в истории и ничто достигнутое не пропадает, оно так или иначе остается в исторической памяти Нации и плодотворно скажется в будущем. Данилевский называл это «апатией самодовольства» [1, с. 91], когда цивилизации «успокаиваются на достигнутом, считая завет старины вечным идеалом для будущего».

Второе искушение – это не власть в новую «одноосновность». «Одноосновность» классового подхода при решении всех национальных и мировых проблем мы испытали на себе. Она принесла неисчерпаемые беды стране и народу. Слава Богу, это для нас уже прошлое. Однако все новые и новые «одноосновности» «прельщают» нас. Одна из них – это рожденная в эмигрантских кругах ложная историософия об особой роли российских императоров в качестве «удерживающих» мир (Фес. 2: 7) от прихода антихриста. Ошибочность этой концепции обстоятельно разобрана диаконом Даниилом Сысоевым в журнале «Благодатный огонь» [5, с. 53–62] и в дополнении не нуждается. Но «зарубежникам» не удается. М. Назаров реанимировал эту геополитическую идею. Теперь «призвание быть вселенским удерживающим» он возложил на «три ветви русского народа» [6, с. 33] и другой более важной задачи у нас нет. По существу, это беспочвенность, или исторический нигилизм, в который впадают все отечественные геополитики, которые игнорируют наследие Данилевского. Вот почему так важно постоянно обращаться и проверять себя Данилевским. Он не только камертон для настройки нашего самосознания на русский лад. Лишь верность его историческим прозрениям и заветам сохранит нас в истории и даст прочную опору новых исторических свершений России в XXI веке.

Снова и снова обращаясь к труду Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» и связывая его мысли и прозрения с духовным пониманием истории, я пришел к следующим окончательным выводам. Будущее в истории за теми человеческими образованиями, которые преодолеют двухосновность своего культурно-исторического типа и осуществят в истории его трехосновность.

Род человеческий имеет триединую структуру. Эта структура приведена в книге Бытия, где говорится, что потомки Сима, Хама и Иафета (сыновья Ноя) делятся «по племенам их; по языкам их, в землях их; по народам их» (Бытие 10: 31). До Христа цивилизации носили односторонний характер. Они развивали только одно из начал триединства рода человеческого. Еврейская цивилизация (потомки Сима) реализовала религиозное начало, римская (потомки Иафета) – государственное начало, греческая (потомки Хама) – культурное начало. Христианство создало условия, при которых народы, племена и культуры могут сосуществовать вместе, образуя триединую цивилизацию. Такая цивилизация и была создана Русской Нацией.

В самом деле, русское племя выбрало Православие (988 год) в качестве своей религии, в качестве своей сакральной основы и было ему верным вплоть до настоящего времени, несмотря на испытания абсолютизмом и государственным атеизмом. Русский народ государственно структурировался сначала в княжеские формы, затем царские и имперские. Сейчас живем в федеративной форме власти, которую предсказал Н.Я. Данилевский 150 лет назад. В XVIII–XX веках мы создали высокую русскую культуру, которая внутренне скрепляет страну от Мурманска до Севастополя, от Калининграда до Владивостока. Да, сейчас она переживает болезнь русскоязычности [8]. И все наши усилия на культурном фронте мы должны направить на преодоление болезни европеизма (американизма), русофобии и русскоязычности. При этом надо помнить, что высокая культура должна иметь постоянную опору в народной культуре. Это лучшая прививка и от русскоязычности, и от американизма.

О том, что такое народность в высокой культуре, разъяснил нам А.Ф. Лосев в статье, посвященной «Снегурочке» Римского-Корсакова. Он писал: «Народность создает конкретизацию мироощущения. Народная музыка находит в мировом целом нас самих. Ибо если музыка вообще есть живописание внутренней жизни духа и бытия, то народная музыка есть в одно время и мы сами, и та вожденная глубина мироздания. Поэтому, несмотря на изысканную сложность симфонической структуры творения Римского-Корсакова – сложность, временами превосходящую вагнеровскую, несмотря на изуми-

тельную красочную и многосложную инструментовку, метрику и ритмику, мы чувствуем себя при живописании этих глубин, как у себя дома. Эта наша русская глубина, и это наше место в мировом целом».

Литература

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1995.
2. *Хантингтон С.* Грядущее столкновение цивилизаций, или Запад против остального мира // Полис. 1994. № 1.
3. *Князев М.А.* Будущее мирового сионизма. М.: Шихино, 1997.
4. Мертвая вода. СПб., 1992.
5. *Сысоев Даниил, диак.* Богословские соблазны монархического движения // Благодатный огонь. М., 2000. № 4.
6. Православная беседа. 2002. № 6.
7. *Адрианов Б.* Русский народ и его цивилизация // Русское самосознание. СПб., 2001. № 8.
8. *Дверницкий Б.Г.* Железный век России. СПб., 2016.
9. *Дверницкий Б.Г.* Русская идея XXI века: Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. СПб., 2018. № 1. С. 172–173.

Аннотация. В статье обосновывается мнение, почему Н.Я. Данилевский является основоположником самобытной русской историософии. Автор прослеживает ее развитие от истоков до наших дней, обозначая вызовы и угрозы, стоящие перед нынешней Россией, и возможности их купирования.

Ключевые слова: русская историософия, Н.Я. Данилевский, цивилизационный подход, теория культурно-исторических типов.

Boris G. Dvernitsky, Publicist; Editor-in-Chief, «Russian Consciousness» Journal. E-mail: dvernitb@mail.ru

Danilevsky – the Founder of Russian History of Philosophy

Abstract. The author of the article substantiates the opinion that N. Y. Danilevsky was the founder of specific Russian history of philosophy. The author traces the historiosophy development from its beginnings till present days, denoting the challenges and threats that modern Russia is facing, as well as the ways of their eliminating.

Keywords: Russian Historiosophy, N. Ya. Danilevsky, Civilizational Approach, the Theory of Cultural and Historical Types.